

Козинский А.В.

КРИТИЧЕСКАЯ МАССА ЯДЕРНОГО РАСПАДА

Книга вторая

18+

Анатолий Козинский

**Критическая масса ядерного
распада. Книга вторая. Офицеры
советских подводных крейсеров**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Козинский А. В.

Критическая масса ядерного распада. Книга вторая. Офицеры советских подводных крейсеров / А. В. Козинский — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Книга основана на реальных событиях, в которых принимал участие автор. Это — не мемуары и не автобиография. Повесть является художественным вымыслом. В ней рассказывается о судьбе моряка-подводника и всерьёз, и с солёным морским юмором. И очень точно описано, как это было в жизни многих морских офицеров, и какова она, служба подводника.

Содержание

Книга 2.	6
Глава 1.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

*Посвящается памяти о погибших и живым морякам-
подводникам
А.В.Козинский (2011 г.)*

Книга 2.

ОФИЦЕРЫ СОВЕТСКИХ ПОДВОДНЫХ КРЕЙСЕРОВ

*На земле и на воде живёт человек.
Под водой, растворяясь в планете, он
особенно остро чувствует, сколь тонка
и хрупка грань перехода его плоти
в круговорот вечности.*

Глава 1.

Какие и какими они были первые ракетные атомные подводные лодки и их экипажи. Первые выходы этих кораблей в море на отработку курсовых задач; люди экипажа, в том числе и лейтенант Липовецкий в первой офицерской должности командира группы управления ракетной боевой части.

Атомный ракетный подводный крейсер, слегка покачиваясь на, парящих морозной зыбью изморози, волнах зимнего Мотовского залива, удерживаемый на водной поверхности запасом плавучести 14 цистерн главного балласта, изготовился к погружению. Справа, возвышаясь над рубочной надстройкой крейсера, устремилась в низкое свинцовое небо полярной ночи шпага заваливаемой антенны связи. По центру в густой смазке разместились труба выдвижной мачты перископа. Оптический глаз перископа, вращаясь в разные стороны поворотом выдвижной трубы мачты, позволял командиру или вахтенному офицеру из прочной рубки вести наблюдение за водным и воздушным пространством в надводном и подводном положении на перископной глубине.

Ощупывая невидимыми лучами прилегающее пространство акватории вокруг корабля, без усталости вертелась вогнутая «лопата» антенны радиолокационной станции.

Внизу в специальной выгородке центрального поста, покручивая настроечные ручки приборов, в звуконепроницаемых наушниках на голове, напрягали свой избирательный музыкальный слух акустики. Они улавливали и анализировали каждый шорох, издаваемый глубинами моря.

Все члены экипажа осматривали и проверяли материальную часть своих боевых постов, заведений, отсеков, оружие, технику служб и боевых частей. По установленной цепочке, через центральный пост доклад о готовности к погружению уже всего корабля в целом доходил к его командиру.

Наконец, единственная воздушная магистраль связи подводников с внешним миром – верхний рубочный люк закрыт лично командиром. Тут же последовала его команда:

– Задраен верхний рубочный люк! Заполнить концевые!

Поток команд и докладов, чередуясь и упреждая друг друга, сливался в мелодию действий слаженной работы экипажа. Подчиняясь воле командира, он делал корабль послушным живым существом, связанным стройной системой организации боевых и повседневных расписаний с людьми внутри его прочного корпуса.

На командном посту командира группы управления ракетной боевой части и одновременно командира 4 отсека Антон старался изо всех сил своими действиями способствовать заданному ритму работы подводников.

Предваряя исполнение команды, коротким сигналом рыкнул ревун. Под напором давления гидравлики закрутилась механика приводов клапанов вентиляции, которые открывшись, выпустили натруженный и теперь освобождённый воздух из концевых групп цистерн главного балласта.

– Ш-ш-ух! – облегчённо выдохнули они. Сквозь прорези шпигатов в цистерны на освобождённое место хлынула морская вода.

– Пф-ф-ух! – корабль грузно осел и, задержавшись на поверхности моря, вместе с душами подводников возрадовался:

– Дудки, не «бздо» – мы пока ещё не тонем! Средняя группа прочных цистерн главного балласта цепко удерживала субмарину на поверхности моря. Она вселяла надежду и уверенность морякам, что хотя они и отрезаны от привычного мира, но только для того, чтобы плавать под водой и всплыть в нужный момент вновь.

– Товарищ командир! Принят главный балласт кроме средней. Крен, дифферент ноль градусов. Курс 112 градусов, под килём 220 метров. Оба реактора на мощности 40 процентов. Режим ГТЗА, работают обе турбины «Самый малый вперёд». Ход 4 узла. Радиационная обстановка нормальная. Лодка осмотрена, замечаний нет! – доложил командиру в боевую рубку старший помощник.

Главный командный пункт центрального поста (ЦКП) – мозговой центр управления крейсером был связан дублированными каналами радиотелефонной и по специальным переговорным трубам голосовой связью с десятью отсеками и всеми командными пунктами боевых частей и служб корабля. Офицеры ЦКП принимали доклады, анализировали обстановку, докладывали командиру об исполнении его команд, готовили данные для решения командира по управлению кораблём и использованию оружия. Главная фигура на ЦКП – старший помощник командира (старпом).

– Наш старший помощник капитан 2 ранга Баклашов Игорь Петрович, – не раз слышал Антон, как в головы молодых матросов втолковывал военно-морскую смекалку и науку старшина команды электрооператоров, он же старшина 4 отсека мичман Глебов. Все нюансы флотской службы, сохранившей не выветриваемые остатки стиля и традиций времён войны, за пять лет срочной службы мичман Глебов изучил досконально и своим опытом делился охотно.

– Повторяю: капитан 2 ранга Баклашов наш старпом!

– А кто такой на корабле старпом? – задав вопрос, он внимательно всматривался в лица дружно молчавших матросов. Не желая тянуть время, снимал фуражку, устремлял взгляд к подволоку отсека, воображая там небо, и тыкал туда указательным пальцем:

– Матрос Беляев, что ты там видишь?

– Небо... – заикаясь отвечал тот.

– А ещё? – наседали мичман. – Кто из вас кое-кого таки там ещё заметил? – уточнял он. Матросы всматривались в подволок отсека, от усердия работы мысли пооткрывали рты, тихо сопели, но зрительно не видя никого, безмолвствовали.

Выдержав паузу, Глебов закрывал глаза. Для достоверности эффекта ещё раз взмахивал рукой в направлении неба и выдавал:

– Так вот, там на небе – бог! А рядом с богом – наш командир, он нам отец, друг и товарищ! – Поняли!?

– А теперь, – быстрым и привычным движением он одевал фуражку, отряхивал не существующую пыль с одежды, небрежным жестом, как бы между прочим, проверял все пуговицы на одежде, зорко осматривал проход к входному переборочному люку в отсек и продолжал:

– А теперь, закройте свои «коробочки», подберите сопли и кыш трудиться на боевые посты! Если вездесущий старпом войдёт в отсек и увидит, что вы «сачкуете», то ни себе, ни вам я не завидую. Ибо старпом тут внизу наш бог, царь и чёрт – всё вместе взятое! Правда, наш старпом суров, но справедлив. Он уж указания дважды не повторяет. Попадаться ему на глаза лишний раз не советую... Хорошую работу он замечает сразу и проходит мимо. А вот плохую... – господи, помоги, пронеси и помилуй!

Прильнув к окуляру перископа, командир корабля капитан 1 ранга Сберев Василий Иванович, в ожидании квитанции на переданное радио о погружении с командного пункта флота, размышлял о предстоящем плане отработки боевых упражнений экипажем подводного крейсера.

Его крепко сбитая, чуток ниже среднего роста фигура цепко удерживалась коротковатыми ногами на ребристых паёлах рубочной палубы. Спокойные руки привычно лежали на ручках гидравлического привода горизонтального наведения перископа. Ещё ясные и не воспалённые бессонницей глаза через оптическую систему этого выдвижного устройства всматривались в туманные просветы налетающих снежных зарядов в попытке отыскать безопасный путь корабля.

В генеалогическом древе Сберевых кровь татар, башкир, русских, перемешавшись, создала своеобразный, унаследованный коктейль, позволивший командиру взять национальность русского. Хотя узковатые глаза, приплюснутый нос, характер поведения и речь выдавали в нём человека восточного.

Постоянное бремя ответственности, ограниченный тревожный сон 2–3 часа в сутки, напряжённый график отработки задач плавания, когда ошибка любого члена экипажа, оставленная без должного внимания, могла привести к гибели корабля, делали его жизнь невыносимо трудной, но привычно одолимой.

Поговаривали, что на берегу, расслабившись, он иногда здорово «закладывал за воротник». Да и его жена в этом вопросе ему ничуть не уступала. Но в глазах экипажа «кесарь» был вне подозрений: его короткие ноги удерживали командирскую фигуру твёрдо и устойчиво, без каких-либо кренов и дифферентов. Из всего этого следовал вывод: если он выпивал, то пить умел, кораблём командовал уверенно и со знанием дела.

– Товарищ командир! На переданное радио получена квитанция, – доложил командир боевой части четыре (БЧ-4,РТС).

– Ход 6 узлов, опустить выдвижные устройства. Заполнить среднюю! Погружаться на глубину 40 метров с дифферентом три градуса на нос! – скомандовал командир.

– Погружаемся на глубину 40 метров. Осматриваться в отсеках! – прозвучал голос старпома из динамиков по всему кораблю.

Помимо воли Антон выжидающе насторожился. Его взгляд скользнул по подволоку отсека и бортам прочного корпуса, к которым прилегали балластные цистерны средней группы, а затем остановился на напряжённо застывших лицах подводников.

Психология поведения человека выработала устойчивые рефлексыв противодействия панике страха для преодоления опасностей, возникающих при неустойчивом плавании на поверхности воды. Жизненный опыт людей защищал их от падения на голову кирпича, камня или других материальных предметов, которые подчинены общим законам тяготения Земли. Человек разумный обобщил и освоил методы и приёмы защиты от кратковременного воздействия энергии природного или искусственного происхождения.

Но разум абсолютно беззащитный, когда потенциальная опасность огромного давления водной стихии угрожающе окружает человека со всех сторон. Только тонкая скорлупка прочного корпуса корабля предохраняет моряков от превращения этого страшного давления воды в кинетическую энергию сокрушающую их жизнь.

Тем не менее, жизнь торжествующая, прикрываясь осознанным страхом, преодолев глубину предельного погружения вместе с потрескивающим от напряжения прочным корпусом подводного корабля, отбрасывает сомнения и рождает качественно нового человека имя которого ПОДВОДНИК.

Безусловно, мичман Глебов был подводником опытным. Антон не раз восхищался его уверенными, находчивыми действиями. Он не стеснялся, при необходимости, обращаться к мичману за помощью и тот щедро делился всем, чему научила его военно-морская служба.

Вот и сейчас коротким сигналом ревун пропел свою песню, но через 5 секунд, как ей положено, одна из гидравлических машинок привода клапанов вентиляции цистерны так и не сработала. Быстрым движением Глебов переставил манипулятор на действие вручную. Тут же рычаг-трещётка замелькал в его руках. Ручеёк пота не успел скатиться с кончика носа мичмана, как он уже докладывал:

– Центральный! Не сработала машинка клапана вентиляции цистерны правого борта № 5. Клапан открыт вручную. Машинка поставлена на действие гидравликой!

Ревун исправно выдавал предварительные сигналы и, не менее своевременно, ему в такт, по воле людей открывались и закрывались кингстоны и клапаны вентиляции цистерн.

Запас плавучести корабля стремительно уступал место морю вместе с последним, вытолкнутым пузырьём воздуха из балластных цистерн средней группы. Ворвавшись внутрь их объёмов, силой отрицательной плавучести вода заставила крейсер тяжело охнуть и провалиться в пучину сомкнувшихся волн моря.

Корабль быстро набирал глубину. В его отсеках стояла тишина, сквозь которую, еле слышно, по бортам цистерн скользили разрозненные пузырьки воздуха:

– Блюм б-у-ль, буль б-у-ль, – тихо шептали они.

Сила тяжести заставляла тела подводников догонять, уходящую из-под ног вниз, палубу. Внутреннее содержание тел, сохраняя остаточную инерционность своего положения в пространстве, устремлялось вверх в попытке через рты покинуть своих хозяев.

Вспотевшие хозяева, как рыбы попавшие в необычную среду, шевелили челюстями, пытаясь «продуться» – выровнять внутреннее давление тела с внешним давлением в отсеке. Перепады давления воздуха в прочном корпусе корабля вызывали болезненное хлопанье ушных перепонки подводников, но процедура «продувания» устраняла этот дискомфорт.

– Мужики! – обратился к морякам Глебов, – если хотите остаться мужиками, то держите своё мужское достоинство обеими руками внизу штанов. Внутренности – ерунда: затолкнём обратно! А вот если ваше «хозяйство» попадёт под зубы... – представляете, что будет? Ну вот, Беляев, голубчик, не дергай судорожно кадыком! Ты что, свою яичницу уже выкушал?!

– Д-д-держу в зубах, боюсь пошевелиться, – под дружный хохот подводников промышчал тот.

Крейсер, подхваченный усилиями носовых и кормовых горизонтальных рулей, приостановил погружение и на мгновение в раздумье остановился: что делать дальше?

Но тут же под воздействием хода и тех же рулей, он наклонился на нос и стрелка глубиномера начала медленно отсчитывать набираемые метры глубины. Всё, что было плохо в отсеках закреплено, самоходом поползло искать более удобные места. Старшины отсеков давали «дрозда» подчинённым за нерадивость крепежа бегаящих предметов и те быстро устраняли свои промахи.

Дифферент начал отходить. Присмотревшись к глубиномеру, Антон убедился, что корабль занял заданную глубину погружения.

– Командиру боевой части пять удифферетовать подводную лодку на глубине 40 метров, скорости 6 узлов, с дифферентом полградуса на нос, – прозвучала команда командира.

Командир БЧ-5 Валентин Веселов в свои 40 лет, как и любой главный механик на корабле назывался «дедом». По существу, этому названию соответствовала только его седая, совсем белая, умная голова. Всё остальное: живые карие глаза, подвижная стройная фигура, доброжелательная улыбка делали его человеком энергичным и, в соответствии с фамилией, весёлым. В будущем Веселов, буквально, помолодеет и повеселеет, когда после очередного отпуска придет с волосами на голове, покрашенными в ярко-рыжий цвет. Вызвав некоторое удивление и замешательство своих сослуживцев, на втором дыхании молодости наш рыжий «дед», фигурально, будет поражать насмерть лучшую половину человечества и укладывать их штабелями в закрома побед своего мужского очарования. Это всё будет в будущем. Пока же в их базе в Западной Лице не было ни жилого городка, ни женщин, о которых подводники могли только мечтать. Все эти молодые, пока цветущие превосходным здоровьем, парни были заброшены судьбой в глухие, необжитые места Заполярья, отчасти по собственному желанию, а больше по велению советской действительности. Этой же действительностью они были на многие годы изолированы от всех благ цивилизации непробиваемой бронёй безучастия к судьбе отдельно взятого человека, стеной тотальной секретности, недоверия и подозрительности. С одной стороны жёсткий отбор человеческого материала режимом власти, с другой – прицельное воздействие непознанного, невидимого, работающего в подводной стихии атома, безжалостно отбра-

сывали пострадавших и слабых людей в отходы производства, выживших сильных и способных – делали подневольными, но настоящими подводниками.

Вот и сейчас они занимались делом – дифферентовали подводный крейсер. В принципе, ничего хитрого в этом процессе не было: нужно было плавать многоотного крейсера привести к положительному значению близкому к нулевому; затем выровнять моменты сил по крену и дифференту. Это позволяло кораблю под действием работы гребных винтов и рулей парить и плавать с разной скоростью в заданном коридоре глубин моря.

После определённых манипуляций с цистерной плавучести и дифферентными цистернами механик быстро и уверенно справился с поставленной задачей. Крейсер на ровном киле белой лебедью послушно удерживал заданную глубину погружения.

После команды «Окончена дифферентовка» были поданы и произведены соответствующие сведения и доклады из отсеков в центральный пост, внесены коррективы в ведомость журнала дифферентовки и командир её утвердил. Наконец, по назначенной командиром боевой готовности № 2 первая боевая смена подводников заступила на вахту.

Командир корабля утвердил схему маневрирования крейсера в полигоне. Назначил режим использования средств регенерации воздуха. Задал предел необходимой мощности работы атомных реакторов и дал разрешение экипажу готовиться к обеду.

Особое место на кораблях военно-морского флота занимали приборки: ежедневно малые – утром, перед обедом и ужином; большая – в субботу. Они были такими же обязательными и привычными, как восход и заход солнца. В этом процессе борьба за чистоту корабля и здоровье людей при помощи швабр, ветоши, щёток, наждачной шкурки, мыла и смёток было делом святым. Заглядывая во все многочисленные углы и шхеры, драили, чистили, наводили блеск на все медяшки, железки, железяки и приборы, подметали и убирали свои заведования и таким образом становились участниками приборок все офицеры, мичманы и матросы корабля.

В конце большой приборки комиссия во главе со старпомом проверяла качество чистоты и порядок во всех отсеках крейсера. Главной лакмусовой бумажкой проб был белый платок.

Обнаружив на платке пыль, комиссия проверку в этом отсеке прекращала. Обычно несколько слов говорил старпом, хотя и без слов всем всё было понятно... – приборка там повторялась.

Во время приборки руки и ноги приборщиков были заняты работой, голова особым творчеством не загружалась, язык же был свободен в выборе любых тем для разговора.

– Товарищ мичман, а почему ракетчиков причисляют к каким-то «бечелюксам»? – показала из-за стойки автомата пеленга и дистанции любопытная голова Беляева.

– Почему, почему – по традиции! Неофициально бечелюксами называют боевые части один, два, три, четыре-РТС. Товарищ лейтенант, откуда у этой традиции выросли ноги? – усердно смахивая невидимую пыль с пульта управления пуском ракет, обратился к Антону уже сам Глебов.

– Ну, конечно, не из того места откуда обычно растут ноги у людей, а из жизни, вернее, из истории развития флота и совершенствования конструкций кораблей, – начал рассказывать Антон. – Во все времена моряки артиллеристы пользовались уважением и занимали особо почитаемое положение в иерархии корабельных специальностей. Перечисленные Глебовым боевые части, комплектовались моряками, специальности которых представляли исторически сложившуюся аристократию профессий. Ветер, парус, непредсказуемая стихия океана и оружие – именно они создали и поддерживали на морских судах и кораблях флота особое положение бечелюксов.

С появлением паровой машины, заменившей парус, значение и вес морских профессий несколько переместился вниз в трюма. Техническая экспансия заполнила до предела железные корпуса кораблей и загнала туда же практически всех «аристократов». «Деду» – главному

механику, безраздельному хозяину и авторитету трюмов, пришлось несколько потесниться – пока только местом.

Стереотип кочегара, пропитанного угольной пылью и потом, вылезшего из преисподней машинного отделения, накрепко зафрахтован в памяти не одного поколения моряков. Да и сейчас, обслуживая движители и другие механизмы, механикам трудно уберечь одежду и тело от загрязнения горюче-смазочными материалами.

– Точно так, – «прогудел» здоровенный детинушка, вымахавший на радость маме и папе под 190 сантиметров ростом старшина стартовой команды старшина 1 статьи Алексей Ошитков.

– Механиков и трюмных и сейчас зовут чёрножопыми маслопупами.

Алексей приоткрыл лючок ракетной шахты, убрал наждачную шкурку в карман, дунул на блестящий медью кремальберный затвор. Сунул голову в шахту и оттуда, усиленное её внушительным объёмом, донеслось его удовлетворительное:

– Порядок!

– Ты что, Алёша, на дне шахты искал чумазых кочегаров? – под смех подводников задал вопрос Глебов.

– Не обнаружил. Сил моих не хватает отваживать любопытствующих. Не положено на приборную палубу пускать народ из других боевых частей! Так нет. Лезут! Мы только посмотрим, только посмотрим, – улыбаясь ответил он.

– Эй, народ, кончай травить баланду, скоро обед, шагайте ко мне, угощу витаминами на любой вкус, – сквозь лаз прохода с жилой палубы 4 отсека призывно прозвучал голос корабельного врача старшего лейтенанта медицинской службы Умрихина Анатолия.

На этой палубе рядом с лазом по левому борту корабля, прижимаясь к ракетной шахте, разместились каюта, на двери которой, стараниями управленца-оператора главной энергетической установки и по совместительству корабельного секретчика старшего лейтенанта Володи Разуваева, красовалась надпись «Секретная часть». Чуть ниже этой надписи было нарисовано внушительных размеров мохнатое ухо. Ещё ниже чётким шрифтом, с огромным восклицательным знаком в конце, пропитывая окружающее пространство настороженной подозрительностью, впечатляла ещё одна надпись:

– Враг не дремлет!

Если открыть дверь секретной части, то с её обратной стороны на плакате, не менее выразительно была нарисована мускулистая фигура, выстреливающая на кончике пальца обнадёживающее заверение – «Охрана так же не дремлет!».

У невзрачного, свойского, «своего в доску» парня – Володи, на первый взгляд, всё в жизни было расставлено по своим местам. Если бы молодость Антона была не столь доверчива и чуть поопытней, то он рассмотрел бы в Разуваеве совсем другого человека. Этот самолюбивый, чем-то ущемлённый, слабовольный, обиженный на весь мир человек, был женат на женщине старше себя на 8 лет. Он действительно не дремал и, завербованный особым отделом КГБ, добровольно работал осведомителем. Любой разговор офицеров, через Володино мохнатое ухо, спустя некоторое время, становился достоянием КГБистов. Трудно себе представить, сколько неприятностей пришлось пережить друзьям-товарищам подводникам, которых закладывал этот мерзавец.

Попозже, научившись видеть не только оболочку, но и внутреннее содержание жизни, Антон сможет без труда распознать забрасываемую особым отделом КГБ сеть осведомителей в экипаже. Самое страшное то, что они работали по принципу «бей своих, что бы чужие боялись!», создавали в экипажах нервную обстановку недоверия и, в конечном итоге, коверкали судьбы отдельных вполне порядочных людей.

Оправдывая свое существование, – абсолютно не уместное и вредное, особисты успешно «наводили тень на плетень», паразитируя на здоровом теле экипажей подводных крейсеров.

Выполняя деструктивную, разрушительную роль, особые отделы КГБ, созданные в мирное время при соединениях этих кораблей, безосновательно подвергали сомнению преданность и лояльность к режиму офицеров и моряков, готовых за Советскую власть отдать свои жизни. Создавая обстановку недоверия и подозрительности, они уничтожали именно те цементирующие связи, без наличия которых экипажи крейсеров переставали существовать как единое целое существо, название которому – военный корабль.

Таким образом, маразматический, самодурствующий мозг режима, пытаясь лечить несуществующую болезнь не там где нужно, запускал болезнетворный микроб в здоровое тело. Лечить же надо было свою собственную хворую голову и разум.

– Ха, держите вы меня, нужны им твои витамины, как «пришей кобыле второй хвост»! – послышалось из приоткрытых дверей медамбулатории, откуда высунулась хитрая татарская физиономия начальника службы снабжения корабля капитана Рахматуллина.

Именно начальника службы потому, что в то время на корабле была служба, было и снабжение. Исходя из этого, Рахматуллин был на корабле человек нужный и весьма уважаемый. Ибо Рахматуллин – это спецодежда, которая, проходя опытный этап обкатки на атомных крейсерах, была самых разнообразных образцов и покровов: канадки, тулупы, рукавицы, шерстяное бельё, сапоги, валенки, танкистские комбинезоны, кожаные куртки, хлопчатобумажные костюмы и прочее. Рахматуллин – это провизионные кладовые заполненные, опять-таки, опытным автономным пайком – продуктами питания при одном упоминании о которых текли слюнки: шоколад, икра, тарань, балыки, масло, яйца, мясо, консервы, соки, овощи и прочее. Рахматуллин – это вино, спирт и ежемесячное денежное содержание! Вот кто такой Рахматуллин – фигура на корабле влиятельная, обожаемая и содержательная. Правда, он ещё не знал, что через какой-то год станет безработным, так как, «совершенствуя» штатную численность экипажа, должность начальника службы снабжения будет упразднена. Но пока, как говорится, «был он не только при шпаге, но и на коне!».

Всё это перечисленное обилие нельзя воспринимать буквально, как свалившееся безотчётное богатство, которое можно было грести лопатой. Просто несколько граммов того или иного продукта, предусмотренного действующей суточной нормой на одного человека, позволяли раз в неделю каждому члену экипажа скушать бутерброд с икрой, один раз в двое суток выпить 100 грамм сухого вина, ежедневно получать 20 граммовую шоколадку и так далее.

Правда, «заботами» родной партии и других доброхотов, не принадлежащих к плавсоставу подводных лодок, с целью «улучшения и совершенствования» первоначальные нормы продуктов автономного пайка, научно обоснованные для условий подводных лодок с ядерными энергетическими установками, были урезаны до минимума. А вот предельные нормы ионизирующих излучений радиоактивных веществ гамма потоков, альфа и бета частиц, излучениям нейтронов, по предельно допустимым концентрациям паров ракетного окислителя и горючего, угарного, углекислого и радиоактивных газов, а так же вредным примесям в воздухе отсеков доброй половины элементов таблицы Менделеева так и остались неизменными. Притом, эти нормы были взяты из гражданского обихода, рассчитанные и предусматривающие воздействие поражающих факторов на человека без видимых патологий в течение рабочего 8-часового дня. Но подводники, закупоренные внутри прочных корпусов, дышали этой адской смесью 24 часа в сутки месяцами на протяжении многих лет службы...

Правда, они, как и Рахматуллин, не знали своего будущего. Немногие счастливики, которые доживут до старости, с грелками под мышкой, проглотив очередную порцию лекарств, не единожды захотят за эту «заботу» плюнуть в лицо правящей партии которая была и правящим партиям, которые есть.

Как заведено на флоте, корабельный врач проверил качество приготовленной пищи – снял пробу. О готовности обеда и накрытии столов в офицерской кают-компании вахтенный офицер доложил командиру. Тот дал «добро» экипажу обедать.

Приём пищи, как и вся организация службы на корабле, производился по сменам. Поблёскивая стопкой судков из нержавеющей стали, на камбуз за горячей пищей засновали бачковые. В жилых отсеках устанавливались раскладные столы, банки. Под присмотром старшин столы сервировались металлической посудой.

Рахматуллин забрался в провизионку и его, торчащая из лючка голова, сама по себе, поворачиваясь в разные стороны, отрывисто спрашивала:

– Бачок?

Очередной подводник, из образовавшейся цепочки помощников бачковых – на подхвате, называл свой номер, подставлял судок и туда летели продукты согласно количеству людей на бачке и утверждённому меню.

– Химуля, ты что, не мог построить корабль более просторным, учитывая, что в нём будут жить живые люди? – ухмыляясь, задал вопрос Умрыхин, всегда знающему всё, старшему лейтенанту Новикову.

– Сей момент, – Новиков вытащил из верхнего кармана куртки индивидуальный дозиметр похожий на авторучку и изготовился писать прямо на стенке ракетной шахты.

– Кто первым хочет высказаться во вновь организованном конструкторском бюро по проектированию атомных подводных лодок? – выжидающе уставился на окружающих офицеров начальник химической службы. – Может вы, лейтенант Липовецкий, выдадите на-гора «рацуху» по сути дела? Прошу! – и он согнулся в глубоком пригласительном реверансе.

– За нами «не заржавеет», выдаю: наш сверхсекретный атомный крейсер 658 проекта, – начал Антон, – это фактически дизельная большая крейсерская подводная лодка, куда врезали отсек с ракетами, отсек с двумя ядерными реакторами и два отсека турбинных. Всё остальное несколько уплотнили, но ничего существенно не изменили. И, как всегда, о людях забыли начисто! Вспоминаю кем-то рассказанную из очевидцев, наблюдавших смешную картинку выражения лица женщины шефской делегации, когда она делилась впечатлениями после посещения дизельной подводной лодки типа «С».

– Открываю дверь шкафа, – захлёбываясь словами от избытка чувств, рассказывала она, – а там вместо одежды торчат потные ноги мужика! Как вы его туда затолкнули? – спрашиваю замполита.

– Извините, – говорит тот, – это наш командир в своей каюте отдыхает после дежурства.

– Запишем, – подытожил улыбающийся Новиков, – во втором поколении подводных атомных крейсеров предусмотреть человеческие условия для обитания подводников. А ты, док, что скажешь, поморщи «редьку»? Это тебе не то, что гипнотизировать доверчивых матросов. Гони идеи: и не только «что», но желательно, и «каким образом».

Врач на подводной лодке – этакий суперконгломерат медицинских профессий, в одном лице представлял всю медицину. Как говорить: и поп, и дьяк, и попадья, и на коне, и под конём – всё понемногу было в нём.

Анатолий, в первую очередь, был человек общительный, терпеливый и внимательный. К нему охотно шли подводники, кто с травмой или порезом пальца, кто с ушибом, кто с головной болью, а кто просто за советом по большому вопросу. Врач исправно кормил их пилюлями, витаминами и прочими микстурами. Очень редко упражнялся в хирургическом вмешательстве по удалению патологической плоти из здорового тела дюжих подводников. Он выстукивал и прослушивал все органы своих пациентов и под настроение «на бис», к всеобщему удовлетворению присутствующих зевая, устраивал сеансы гипноза.

– Ага, до чего вы молодцы! У нас ни пруда, ни удочки – а вы уже рыбку жарить собрались. Да ещё выложи вам «каким образом»? Вы только посмотрите, как славно любопытствует лейтенант Селищев: то одно ухо подставит, то просунет другое. У него наверняка в голове идеи пасутся мешками, только бери их, грузи и оттаскивай! Будь добр, пошевели своими локаторами, напрягись и выдай светлую струю ответов в заданном русле решаемых проблем. Ты же

технарь, тебе и карты в руки! – док ловко перебросил «крючок с наживкой» прямо в открытый рот лейтенанта.

Селищев, – тщедушный человечиска с ниточкой тоненьких усиков под чувственным носом, компактно размещённых на тыковке головы, с въедливыми глазками и великоватыми ушами, своей манерой поведения старался убедить окружающий мир в исключительной важности своей персоны. Он всегда не то чтобы подкрадывался, но как-то незаметно оказывалось, что он уже тут: смотрит, слушает и обсуждает.

– Знаете ли вы, какая это сложная проблема проектировать атомные подводные лодки, – начал он. – Над её решением работают десятки проектно-исследовательских институтов и бюро. Да...

– Стоп! Тихо! – остановил его Новиков. – Слышите, как за бортом булькает, переливаясь по корпусу корабля, вода? Целое море-океан! Так что, друг любезный Селищев, воды вокруг и так достаточно. Останови фонтан! Док, не увиливай! Видишь, твой фокус не удался. Отвечай по существу!

– Ну, вы прямо за глотку меня берёте – бедного, но верного исполнителя заветов знатока души и тела человека, мудрого Гиппократы. Для того, чтобы человек жил, он должен дышать. Эта истина известна не только мудрецам, но и нам – людям смертным, – рассуждал корабельный врач. – Существующая система регенерации воздуха на подводной лодке, с одной стороны, ослабляет удавку удушья, вырабатывает кислород и поглощает углекислый газ. С другой стороны, усаживает наши голые, ничем не прикрытые задницы на тысячи термитных мощнейших мин, которыми являются банки с регенеративными пластинами. Достаточно на эти пластины попасть капле масла, как тут же последует взрыв и пожар. Взрывное горение вещества пластин прожигает металл похлеще любой сварки. Вы все знаете, что по команде «Приготовиться к регенерации воздуха» весь личный состав подводной лодки готовит резиновые перчатки, коврики, специальный инструмент. В специальные гнёзда размещаются установки РДУ, в ячейки которых снаряжаются ряды регенеративных пластин, извлечённых из герметичных банок. Развёртываются и готовятся к немедленному использованию все средства пожаротушения: переносные огнетушители, корабельную пенную систему пожаротушения, водяные шланги, вёдра с водой и так далее. Не дай бог, если любое возгорание доберётся до тысяч банок и патронов регенерации воздуха, загруженным и размещённым по всем углам и шхерам корабля. Так, что «химуля» пиши: система выработки кислорода из морской воды и выброс газов, отторгнутых организмом человека за борт, в новом поколении подводных лодок необходима, я бы сказал, как воздух, если бы о воздухе не шла речь.

– Я пишу! Пишу всё, но, пожалуйста, извольте снять свои «спецухи» и одеть кремовые рубашки. Подходит наша очередь обедать. В непотребном виде старпом в кают-компанию не допустит, – уже на ходу, удаляясь, посоветовал Новиков.

Обедали молча. В выгородке во втором отсеке по правому борту корабля размещался командирский столик на 4 места. За прерванным узким проходом, стол продолжался, за которым были втиснуты ещё десяток откидных кресел. У носовой стенки выгородки, с лючком ведущим в буфет – раздаточную, стоял зилковский холодильник – вот и вся кают-компания. Кормовая зеркальная стенка выгородки, из которой будто произрастал командирский столик, создавала некую иллюзию простора. Сверху на кронштейнах подволока кают-компании были подвешены секции мощных светильников, которые включались, когда помещение использовалось в качестве хирургической операционной.

По левому борту 2 отсека, по типу купейного вагона размещались каюты офицерского состава. Внизу, перекрытые жилой палубой, тесно прижавшись друг к другу при помощи специальной расклинки, в аккумуляторной яме стояли огромные баки аккумуляторной батареи с батарейными автоматами, измерительными приборами и другой электрической начинкой.

Обед был вкусным. Незатейливое меню представляло некоторый выбор калорийных блюд, которые оперативно подавали чистенькие в белых курточках вестовые.

Старший помощник командира проглатывал пищу торопливо, явно «не углубляясь» во вкусовые качества обеда. Далее по суточному плану предстояла отработка экипажем сложных упражнений по управлению подводной лодкой при заклинке рулей, поступлении воды внутрь прочного корпуса через пробоины, пожарах и неблагоприятной радиационной обстановке. Никому не хотелось тонуть, на полном ходу корабля врезаться в грунт дна моря, да и гореть по настоящему особого желания ни у кого не было. Вот и болела голова у капитана 2 ранга Баклашова, как бы получше и качественней подготовить подводников, чтобы это несчастье не произошло с ними фактически.

Баклашов, чернявый крепыш с крупной головой и увесистыми кулаками бывшего боксёра, имел характер решительный. Он добивался, чтобы экипаж не только знал теоретически как, но и практически умел бороться за живучесть корабля и свою жизнь.

В связи с тем, что под водой предстояло плавать более суток, то по всем правилам были задействованы системы регенерации и очистки воздуха. Дышать стало легче.

По отсекам и боевым частям были розданы оперативные вводные, согласно которых должны развиваться учебные аварийные события и ситуации.

По приказу командира мощность реакторов была поднята до 60 % и невидимые потоки нейтронов в цепной регулируемой реакции выбивали из ядер урана кванты энергии. В герметичном замкнутом пространстве первого контура под большим давлением мощные центробежные насосы гоняли бидисциллят. В пылающем высокотемпературном аду ядерной реакции вода, омывая тепловыделяющие элементы (ТВЭЛы), отбирала у них тепло. Далее, пройдя через парогенераторы, энергетический бидисциллят первого контура это тепло отдавал и возвращался на повторный цикл в реактор. В парогенераторах тепло передавалось второму контуру и в виде перегретого сухого пара поступало на ступенчатые лопасти турбин, раскручивая их. Сработанный пар, поступал в главные конденсатора и там, превратившись в конденсат бидистиллята, подхватывался насосами и замыкая цикл, опять подавался в парогенераторы. Турбины раскручивали турбогенераторы, которые вырабатывали электроэнергию и питали все потребители корабля – это турбогенераторный режим использования ГЭУ побортно.

Для использования главной энергетической установки (ГЭУ) в режиме ГТЗА необходимо было подготовить (прогреть) турбины переднего и заднего хода. ГТЗА – главный турбозубчатый агрегат соединял турбину с гребным валом корабля. В режиме ГТЗА турбины побортно через турбозубчатые агрегаты вращали гребные винты корабля посредством вращения гребных валов. Сила сопротивления вращательному движению винтов давила на их лопасти и далее через главный упорный подшипник разгоняла корабль до заданной скорости движения в воде моря. Кроме того, через систему магистральных трубопроводов и агрегатов, бортовые силовые установки могли работать в перекрёстных режимах использования, обеспечивая резервирование и широкий манёвр схемами их эксплуатации.

В качестве резервных источников электропитания служили два дизельгенератора и аккумуляторная батарея. Ход корабля при этом обеспечивался двумя электромоторами при отключённых ГТЗА.

Управление ГЭУ осуществлялось со специального пульта вахтенными операторами – управленцами. Режимы использования ГЭУ и скорости хода ракетного крейсера задавались командиром из центрального поста.

Слаженность работы всего экипажа при штатном и аварийном использовании оружия и технических средств, поступлении воды внутрь прочного корпуса, пожарах и радиоактивной опасности отрабатывалась на выходах в море в соответствии с методикой специального курса боевой подготовки атомных подводных лодок.

Разнообразие и массовость количества механизмов, систем приборов, аппаратов, устройств и схем их использования на первых порах подавляли психику человека, попавшего в необычную ситуацию обособленного, замкнутого мира пространства ограниченного прочным корпусом корабля.

Действительно, все площади и объёмы подводного крейсера, длиной корпуса около 120 метров и общей высотой с пятиэтажный дом, перегороженного прочными герметичными переборками, образующими 10 герметичных отсеков, были упакованы донельзя таким огромным количеством техники и оружия, что человек задыхался от безысходности ситуации в попытке найти там своё место.

Знания, полученные каждым моряком по основной специальности, превращались в ничтожно малую величину по сравнению с солидным перечнем смежных специальностей, которые нужно было освоить, чтобы стать подводником. Быть или не быть горе железа с множеством механизмов, напичканных в ней, и группе людей в морской форме, собранных в один экипаж, единым целым под гордым наименованием подводный атомный ракетный крейсер – ставилось в прямую зависимость от профессиональных способностей командования корабля. Именно командованию корабля необходимо было создать рабочий ритм взаимопонимания и поддержки, при котором человек поверил бы в собственные неограниченные возможности хозяина ситуации, решающим все проблемы с течением времени.

Антон настоящим подводником ещё не стал. Его слегка поташнивало и бисеринки пота мелкими росинками проступали на его лбу из-за непредвиденных бросков ускользящей из-под ног палубы. Иногда его сердце самопроизвольно уходило в пятки из-за необычности жизненной обстановки, создаваемой манёврами корабля. Постепенно кажущееся хаотичным море световой и звуковой сигнализации, пляска мечущихся стрелок измерительных приборов, приобретали изначально содержательный смысл, который он научился понимать. За весёлым подмигиванием лампочек сигнализации, плавным скольжением стрелок по градуировкам шкал, он ощущал управляемый корабль, который, доверившись людям, чётко исполнял их волю.

Вот и сейчас послушный корабль, преодолевая сопротивление воды, задрожав всем корпусом, устремился вперёд, развивая скорость до 18 узлов. Экипаж как бы застыл по местам боевой тревоги в ожидании развития дальнейших событий.

Капитан-лейтенант Мясковский Анатолий командир ракетной боевой части и непосредственный начальник Антона, щёлкая тумблерами переговорного устройства, дал команду:

– Осмотреться в отсеке! Проверить и тщательно закрепить всё имущество на штатных местах!

– Сейчас начнётся, – в напряжённой тишине промолвил врач.

– Это уж точно, – согласился с ним Антон. – Держитесь за воздух, ибо земля вскоре станет не надёжной, – осматриваясь по сторонам, добавил он.

– Ничего, перезимуем! – уверенно констатировал Мясковский, поудобней усаживаясь в кресле-вертушке на командном пункте ракетной боевой части.

Сам Мясковский, то ли русский полуеврей, то ли еврейский полурусский своего отца – чистокровного еврея и мать – не менее чистокровную русачку, будучи хорошим сыном чтит и любил. И было за что, ибо воспитали они вполне уравновешенного, несколько флегматичного, в принципе хорошего человека. Но жизнь распорядилась так, что половинчатая принадлежность по национальности, путаясь под ногами, его судьбу всегда склеивала из двух половинок. Не успев стать артиллеристом и переучиться на торпедиста, каким-то непонятным образом он стал ракетчиком.

Капитан-лейтенант был непревзойдённым знатоком и мастером рассказа множества еврейских анекдотов. Но и в анекдотах половинчатость так и пёрла из их содержания.

Пытаясь разрядить обстановку тревожного ожидания, которая большими буквами была написана на лицах моряков, он рассказывал:

– Абрам! – обратилась Роза к своему мужу, – теперь возле этого модного атома все, кому не лень, очень хорошо зарабатывают. Одни своим жёнам приносят хорошие деньги больших зарплат. Другие приносят деньги ещё больше помимо зарплат и ездят в служебных машинах. Ты же из своего института ядерной физики, кроме пустого портфеля и истоптанных носков – результата многообразных переходов пешком туда и обратно, домой не приносишь ничего. Что, у вас там в институте, таки взять ничего нет? Только не говори мне, что секретность и здорово всех проверяют! Ты же еврей! Если «оно» такое маленькое, то проглоти. Никто же не заметит! – Анатолий умолк в выжидательной паузе.

– Ну и, что дальше? – не выдержал самый нетерпеливый слушатель.

– Что дальше, что дальше... Привозят мужики из КГБ еле живого Абрама домой. Роза, не ожидая вопросов с их стороны, сама спросила мужа:

– Абраша, что случилось?

– Да проглотил я этот атом, будь он проклят! Шёл по улице, захотел тихонько пукнуть. Оборачиваюсь, а там полквартила, как языком корова слизала – испарился!

– Оперативное время «00.00», – голосом старшего помощника разнеслась информация по кораблю о начале отсчёта времени отработки боевых упражнений.

Боцман – приличного роста, прочного телосложения на совесть сработанный молодец, густым басом откидывающим все сомнения в подлинности доклада, подобно заводскому гудку призывающему работников начать трудовой день, безапелляционно доложил:

– Заклинило кормовые горизонтальные рули на погружение! Дифферент растёт! Лодка погружается. Глубина 70 метров!

Офицеры главного командного пункта и командир, «сбитые» с толку столь правдоподобным докладом, с реакцией на него несколько промедлили. Из состояния общего бездействия командование корабля вывел штурман, который включил на постоянное излучение эхолот и доложил:

– Глубина под килём 140 метров.

Практический опыт – дело большое, командир, имеющий его в достатке, всё же скомандовал:

– Обе турбины реверс!

Корабль, с нарастающим дифферентом на нос, продолжал нестись вперёд.

Гидродинамические силы воздействия на корпус подводного крейсера при отрицательном угле дифферента и заклиненные рули быстро загоняли корабль на глубину.

Боцман, пытаясь удержать заданную глубину, переложил носовые горизонтальные рули на всплытие на полный угол. – Не помогло! Дифферент нарастал, лодка быстро погружалась. Вот он перевалил восьмиградусную отметку. Во всех отсеках люди действительно начали хвататься за «воздух», пытаясь удержаться на вздыбленной, уходящей из-под ног, наклонившейся палубе. Внутренности подводников привычно поползли к единственному открытому отверстию в их теле, желая поскорее выплеснуться наружу для выяснения обстановки. Зубные щётки, совки и смётки, а также прочий плохо уложенный и закреплённый скарб, полетел в своих хозяев. Моряки окончательно убедились, что на подводной лодке всё переносное имущество должно закрепляться и иметь своё место.

Операторы пульта ГЭУ, удерживаясь в креслах растопыренными ногами, как хорошие цирковые гармонисты ловко перебирали кнопки управления реакторами, пытаясь предотвратить сбой и обеспечить их стабильную работу в столь необычной ситуации.

Турбинисты в поте лица перекрывали подачу пара на турбины переднего хода с одновременной дачей контрпара на турбины заднего хода.

Наконец гребные винты, сдерживая инерцию, начали вращаться в обратном направлении. Корабль задрожал, скорость упала. Тут бы, ох как нужно было дать команду:

– Стоп турбины!

Но момент упущен и корабль, с возрастающей скоростью движения, начал сваливаться на корму, увеличивая угол наклона. Всё имущество вместе с подводниками дружно повалилось в сторону кормы. Внутренности подводников растерялись совсем. Они если бы умели разговаривать, то своё возмущение высказали б тут же:

– И нафига нам нужны такие хозяева в которых не то, что спокойно существовать – удержаться долго невозможно!

С опозданием, ходом вперёд, инерция движения корабля назад была погашена и лодка начала всплывать. Вспотевший командир промахов больше не допускал. Маневрируя ходом и весовыми порциями воды принятыми в соответствующие цистерны, была погашена гидродинамическая сила, исходящая от неисправных рулей, и корабль на скорости 6 узлов сносно держал заданный коридор глубины погружения.

– Первый блин – не совсем комом! – судорожно сглотнув комок нервов, подводники по указанию командира, не сходя с мест по боевой тревоге, произвели разбор своих действий.

Кормовые горизонтальные рули, выведенные из действия условно, ввели в использование по штатной схеме. Дифферентовку корабля привели в исходное состояние.

Корабль «встрепенулся» и, как настоящая охотничья собака уверенно взявшая след дичи, вытянувшись в струнку на все свои 114 метров, еле шевеля рулями, без всяких неожиданностей держал заданную глубину погружения 60 метров.

По приказу командира, дабы не дезориентировать себя всякими заморочками, во время учений и тренировок доклады о возникших неисправностях впредь нужно предварять словом «фактически». Аварийные ситуации по плану учений предварять словом «условно».

В четвёртом отсеке подводники, в ожидании своих вводных, особенно не перерабатывали. Все действия, выполняемые без команды, они знали, как говорить «на зубок», исполняли их чётко и без замечаний. Нелады со щётками и счётками, а так же проблемы бунта органов своего внутреннего содержания были урегулированы с момента устойчивого движения корабля.

Предусмотрительный мичман Глебов приказал разложить по боевым постам в готовности к использованию ИДА-59 и ИП-46 – индивидуальные дыхательные аппараты подводников и изолирующие противогазы соответственно. Он же подошёл к, служащему по первому году, матросу Христенко и спросил всё ли ему понятно по пользованию этими аппаратами.

– Та шо вы, товарищ мичман! Не беспокойтесь! – ответил чернявый украинец. – Я уже всё знаю. Вывчев! – заверил он.

Все невольно улыбнулись, вспомнив забавный случай происшедший с ним. Не так давно весь экипаж, выстроившись на плавпирсе рядом с кораблём, группами по 10 человек отрабатывал практическое включение в ИП-46. Начальник службы «Х» Новиков инструктировал подводников:

– Видите, вот этой ампулой под резиновый колпачок снаряжается пусковой брикет. Раздавлив ампулу ударом по кнопке, вы запускаете всю систему дыхания в действие. Теплый воздух вашего дыхания в замкнутом цикле – маска, регенеративная коробка, дыхательный мешок, поглощая углекислоту и обогащаясь кислородом, обеспечивает лёгкие живительной газовой смесью. Ваши противогазы снаряжены и приготовлены к действию. По команде вам необходимо затаить дыхание, повторяю: затаив дыхание, надеваете маску, давите на кнопку и дышите! Все ли всё хорошо поняли? Кто почувствует малейшее неудобство дыхания – поднять руку или сообщить голосом. Всем понятно?

Матрос Христенко, с ИП-46 на боку, плотно закреплённым лямками через плечо, стоял тут же в строю и инструктаж слушал внимательно.

Его впечатлительный мозг чётко уловил, что нужно затаить дыхание, надавить на кнопку – вот и вся процедура. Легко! Проблем нет!

По команде «Газы! Включиться в ИП-46!» все 10 человек исправно одели маски, грохнули кулаками по кнопкам запуска. Общий хор натужно сопевших моряков убеждал, что процесс пошёл и они исправно дышат. Подошедшие офицеры ощупывали регенеративные коробки, тепло которых свидетельствовало, что никаких сбоев нет и включение на изолирующее дыхание в противогазах этой группы подводников прошло нормально. Безработный врач со своей неразлучной сумкой первой помощи стоял рядом и радовался, что помощь оказывать никому не потребовалось. Но не тут то было...

Линия шеренги моряков неожиданно нарушила свой строй и огласилась шумом падающего тела. Христенко оловянным солдатиком шлёпнулся о железо настила плавпирса и неподвижно застыл. Антон сорвал с него маску, подбежавший врач похлопал пострадавшего по лицу. Христенко судорожно вздохнул, учащённо захлопал ресницами глаз, ощупал своё лицо и спросил:

– Где мой ИП-46?

– Да вот он! – врач указал на старшего лейтенанта Новикова, который с целью проверки исправности противогаза сам успешно в нём дышал.

– Ты почему свалился? – автоматически, уместный по ситуации, задал вопрос Антон.

– Не знаю..., не припоминаю. Я затаив дышалку, одел маску, раздавил ампулу и чекав....

– Посмотрите на него: «вин чекав!».... Дышать нужно было, а не чекать! – досадно проговорил Антон.

Христенко подхватился на ноги, быстро стал на ноги, протянул руку к своему противогазу и сказал:

– Ну так дастэ чоловіку подышать чы ни?

Врач пощупал у него пульс, заглянул в рот. Матрос громко и внятно сказал «А». Сдвинув плечи, Умрихин проворчал:

– Здоров, как бык! Дайте ему противогаз.

– Товарищ капитан-лейтенант, – обратился к Мясковскому старшина 1 статьи Ошитков, – не может быть, чтобы наш КГБ так просто – «за здорово живёшь» отпустил Абрама. Такая находка – прямо стартовая установка!

– А, ты об анекдоте..., – помедлил офицер, явно придумывая концовку. – Так вот, практическая Роза опять задала житейский вопрос:

– Абраша, ты домой надолго или нужно собирать кошёлку с бельём и, как я понимаю, так же надолго?

– Прямо не знаю, что тебе сказать, моя милая Роза! Собирать ничего не нужно. Боюсь, что тебе теперь я тоже не нужен....

– Абрам, да как ты можешь....

– Ничего я теперь не могу, даже из той малости, что когда-то мог. Всё моё мужское «могу» улетело вместе с «пуком». Вот эти друзья-товарищи решили, что я – секретное оружие особо разрушительного действия под кодовым названием «Берегись Абрама!». Тебе, Розочка, так же нужно поберечься. Забудь – иначе «заметут»!

Концовка анекдота понравилась всем присутствующим ракетчикам, вызвав на их лицах весёлые улыбки.

Между тем, во всех 10 отсеках подводной лодки подводники окончательно разобрались с промахами и успехами своей практической выучки при действиях в прошедшем эпизоде упражнения. По истечении 10 минут под руководством командира учёба на корабле продолжилась.

В ходе боевых учений, упражнений, тренировок подводники осваивали наиболее вероятные режимы работы приборов, механизмов и систем корабля в простых и сложных аварийных ситуациях, возникающих во время ведения боевых действий и в повседневных условиях мирного времени. Всё это делалось для того, чтобы приобрести опыт плавания и эксплуата-

пии подводной лодки в различных условиях обстановки, обеспечить живучесть её оружия и технических средств, подготовить экипаж и корабль в целом к успешному выполнению собственных ему задач.

Только всесторонние твёрдые знания устройства подводного крейсера, его оружия и технических средств, мужество и упорство экипажа в деле достижения практического автоматизма в умении обслуживать технику в полной темноте, повышенном давлении, хлещущей из пробоин воде, задымленности и неблагоприятной радиационной обстановке в отсеках, могли проложить невидимые связи единства взаимопонимания между железом и живыми людьми. Так рождалось единое целое под названием военный корабль.

Экипаж подводной лодки можно сравнить с коллективом хорошо сыгранного оркестра, в котором основным музыкантом является человек с дирижёрской палочкой. Опытной дирижёр не допустит фальши звучания ни одной ноты в исполнении своего оркестра. Так и командир корабля не может допустить послабления в качестве боевой подготовки экипажа. Коллектив хорошо сыгранного оркестра может исполнять музыку и без своего дирижёра. В худшем случае провала музыкантам угрожают только тухлые яйца.

Подводный крейсер, прежде всего, это оружие коллективное. Командир его центральная объединяющая волевая часть, которая приводит корабль к победе или погибает вместе с ним. Так что любая фальшь тут не допустима.

Весьма толковую и разумную реакцию на учебные боевые повреждения подводного крейсера показывал помощник командира капитан-лейтенант Голубков Юрий. Какая-то слабость незащищённого, ушедшего в себя человека впечатляюще запоминалась в сознании людей при взгляде на его легковесную, ниже среднего роста фигуру. Он почти всегда держал в руках какую-нибудь железку с намерением то ли разобрать, то ли совершенствовать, то ли просто не знал куда её приспособить, а выбросить было жалко.

Спецодежда капитан-лейтенанта, особенно рукава куртки, были пропитаны «гидравликой» – веретённым маслом. По всей видимости, такое состояние одежды ему было дорого, как память о бывшей специальности торпедиста. Дело в том, что головные части с боевым зарядом парогазовых торпед для предохранения от коррозии были густо смазаны «амсом» – специальной морской смазкой. Торпедисты, обслуживая торпеды, на них же на подвесных койках и спали. Уберечь одежду при таком «сожительстве» очень трудно. «АМС» блестела и на одежде, и на их чумазных лицах даже больше, чем у механиков.

Голубые прозрачные глаза Голубкова в обыденных условиях выдавали в нём человека меланхоличного склада характера. Однако, в ситуациях экстремальных они приобретали оттенок цвета стали, а голова начинала работать точно, как часовой механизм. В повседневной жизни это был человек незащищённый, души добрейшей, некурящий и непьющий. Из-за своего неказистого вида и покладистого характера он частенько попадал в разные истории. Лучше всего о своих приключениях он рассказывал сам.

На берегу в перерывах рабочего дня моряки обычно собирались в курилках, условно за зоной строгого режима радиационной опасности. Большинство из них усердно трудились над окуриванием своих внутренностей табачным дымом. Жёлтые пальцы их рук и зубы, цвета подпорченной слоновой кости, свидетельствовали о многодневном старании хозяев угробить пока ещё крепкое своё здоровье. Так как некурящим податься было некуда, то они в тесной компании перекурщиков «травили» морскую болтовню. Нахватавшись из общего котла окружающего воздуха добрых порций никотина, некурящие подводники выглядели так же обалдело, как и заядлые курильщики.

К концу перерыва, вынырнув из сизоватого дыма дальнего угла курилки, подбалдевший Голубков, уловив паузу в шуме перекурщиков, спокойным, тихим голосом начинал рассказывать:

– Вы в девятом отсеке были? И зачем я спрашиваю у больных здоровье? Конечно были! – отвечал он сам себе.

Девятый отсек – это жилой отсек, в котором размещалось большинство личного состава электромеханической боевой части.

– Мы там прыгаем по койкам, как мартышки по деревьям. Забраться на четвёртый ярус коек не так-то просто, – вступил в разговор житель тех мест. – Петрович, как залезет на свою четвёртую верхотуру, то победно стучит себя кулаком в грудь и гнусаво, подражая обезьяне Чите, орёт «Гу-гу» да «Гу-гу!».

– Что там «Гугу», – подхватывал реплику кто-то другой. – Он же, гад, на работу слезать не желает, требует банан!

Народ дружно хохотал.

– Хорошо вам смеяться, а вот мне было совсем не до смеха, когда меня «работяги» посадили на эту самую четвёртую, а две нижние койки сняли. Когда ты в военной форме и при погонах, – продолжал рассказывать помощник командира, – то сразу видно кто есть кто. В «спецухе» всё покрыто мраком неизвестности, особенно, когда человек новый, только прибыл и в лицо его мало кто знает.

– Совершенно верно, в Северодвинске при постройке корабля на стапелях кораблестроительного завода Северного машиностроительного предприятия (СМП) на лодку ежедневно прибывало более ста человек своего экипажа, да около пяти сотен инженеров и рабочих (работяг), работающих внутри и снаружи корпуса корабля. Одеты все в спецодежду. Пойди, разберись: где тут свои, а где чужие, – высказал своё мнение штурман корабля капитан-лейтенант Панчёнкин.

– В конце рабочего дня, пробираюсь между «шхер» строящегося корабля, с надеждой выбраться из этого нагромождения металла и механизмов через люк 9 отсека, – продолжал рассказывать Голубков. – Смотрю, между технологическими стенками кают «а ля фуршет» разместились тёплая компания работяг – человек 15. На импровизированном столе – фанерной склейке каютной двери, поблёскивая боками нержавеющей стали, красовалась баклага литра на три. Из синей эмалированной кружки, затаив дыхание, маленькими глотками на «коня», по очереди они «тянули» чистый спирт. Пили без закуски, запивая ректификат глотком воды из другой такой же кружки. Кружку с водой пускали по кругу бережно, приговаривая «держи» и «не пролей!».

Естественно я им сказал «Прекратить!». Для пушей убедительности пригрозил спирт вылить.

Здоровенный добряк забулькал флягой в кружку, протянул её мне и сказал:

– На выпей за здоровье моего папы, которого я в глаза не видел, и будь здоров сам!

– Да не пью я совсем, вы что, с ума сошли, что ли! – сердито возразил им я.

– Ребята, посмотрите на него: он не пьёт! – возмутился мужичишко чуть поменьше меня ростом. Усы мужичка подозрительно задёрнулись, затем настороженно распрямились.

– Брезгуешь, что ли, гад! Или больной? – Это же «на халяву»!

– Да я просто не пью! Не пьющий я – вам это понятно? – насколько мог убедительно пытался я им втолковать простую истину.

– Тьфу, надо же! Ему про Егора, а он про Марью!

– Да не пирай ты своей сознательностью по гостеприимству рабочего класса в конце рабочего дня. Митяй, чёрт с ним! Не пьёт сам, пусть посмотрит, как пьют хорошие люди. Помогите нашему трезвеннику забраться на четвёртую койку, – произнёс монолог по виду их старший.

Митяй, как пушинку сгрёб меня в охапку и без всякого усилия забросил на злополучную самую верхнюю койку. Сидел я там тихо. И ни гу-гу! Читой я не был и самостоятельно слезть не мог. Мужики не обращали на меня никакого внимания. Они ещё раз пустили по кругу кружки и удалились. Я сидел и размышлял о жизни:

– Не высовывайся часто без надобности и себе во вред, – учила она.

– А что такое «высовываться» и как «часто», – задал вопрос сам себе и до сих пор не нашёл вразумительного ответа.

Если бы подводный крейсер мог говорить, то недовольство множеством экстремальных манёвров, производимых подводниками с целью учёбы, заставляющих его механизмы и железный корпус работать на пределе прочности, выразил бы примерно так:

– Хватит! Да угомнитесь вы, не увлекайтесь! Обратите внимание: мои гидроакустические уши заложены будто ватой неблагоприятной гидрологией моря – слышу плохо и не далеко. В зимний период холодное дыхание Арктики встречалось с, растерявшим свою температуру по бесчисленным шхерам Скандинавского полуострова, тёплым течением Гольфстрим. Вкупе с циклонами, идущими из студеной Гренландии, они создавали погоду неустойчивую, капризную и штормовую. Сопrotивляясь холодам, море Баренца в прибрежной пока незамерзающей зоне парило. Оно образовывало тучи мельчайших охлаждённых капелек воды, которые зависали над её поверхностью плотно, без малейшего просвета. В этом «киселе» над водой не было видно ни зги – видимость нулевая.

Под водой гидроакустические лучи, изломанные и скрюченные градиентами холода, уходили в дно грунта мелководья бухт и заливов и там, упокоившись, теряли свою энергию. Короче: дальность обнаружения целей гидроакустическими станциями была маленькой... Надводные корабли и суда шли умеренным ходом, их радиолокационные станции перегревались от непрерывной напряжённой работы. Они были похожи на застывших от холода филинов, которые в гуще ветвей, медленно перебирая лапами, напоминали о своём существовании, следующими последовательно через две минуты продолжительными сигналами «У-у-у-ух!».

В 4 отсеке подводного крейсера по учебной аварийной тревоге усилиями аварийной партии был потушен условный пожар электрооборудования. Теперь в поте лица, при аварийном освещении ракетчики старались заделать уже вторую по счёту условную пробоину в прочном корпусе. Все моряки включились в аппараты ИДА-59 в положении кранов на дыхание через атмосферу. Вентили на кислородном и гелиокислородном баллонах были плотно закрыты – дыхательную смесь газов, которая обеспечивает жизнь людям в течение 6 часов нужно было беречь.

Подводники дышали тяжело, воздух, наполняющий их лёгкие, засасывался и выбрасывался в атмосферу с шумом и свистом, подобно натруженным переизбытком глубины дельфинам, выбрасывающим и засасывающим через дыхательные сопла атмосферный воздух.

Сквозь запотевшие стёкла масок дыхательных аппаратов при тусклом свете аварийного освещения они кое-как могли что-то видеть. Кроме того, благодаря прямому сообщению лёгких с атмосферой, удерживая зубами во ртах переполненные слюной загубники, им можно было разговаривать друг с другом. Правда, речь, сопровождаемая гудением, сопением и бульканьем, больше напоминала способ общения наших братьев меньших. Однако, потренировавшись, при большом желании и необходимости понять кое-что было можно.

Первую «дырку» в корпусе корабля ракетчики заделали при помощи раздвижного упора. Со второй условной пробоиной дело обстояло посложней. Место, выбранное Антоном, было труднодоступным и неудобным. Вообще, заделка пробоин при поступлении воды внутрь прочного корпуса на глубинах погружения подводных лодок более 100 метров занятие бесперспективное и безнадежное. Подступить к пробоине возможно только если давление поступающей воды будет уменьшено до 1,5–2 килограмм на сантиметр квадратный.

Динамическое давление струи воды более 10 атмосфер человека оглушит, отбросит и покалечит не хуже острого ножа. Единственный способ что-то предпринять – это попытаться, увеличив скорость, всплыть и одновременно создать противодействие подачей в аварийный отсек воздуха высокого давления. При этом нужно помнить, что отсечные переборки могут удерживать максимальное избыточное давление не более 10 атмосфер.

Трудно себе представить, как в этом ревущем и свистящем аду человек может осознанно бороться за свою жизнь. Однозначно: без тренировок и мужества естественного происхождения, закреплённого опытом многодневных упражнений, этот подвиг, даже во имя сохранения своей жизни, никто из людей совершить не может.

Сейчас, когда всё жизненное пространство было ограничено тонкой скорлупой прочного корпуса корабля, защищающего подводников от разрушительной стихии воды, отдавая приказания, Антон убедился насколько трудно их выполнять без должного умения и сноровки. Клапан подачи воздуха высокого давления в отсек, открытый мичманом Глебовым на несколько секунд, моментально покрылся изморозью. Мощный рёв освобождённого сжатого воздуха, воздействовал не только на железо. Он заставлял вибрировать не столько ушные перепонки, сколько давил на психику людей, выжимая из подсознания тень страха, который выходил холодной влагой пота, выступающего росинками на лицах моряков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.